

Л.Ю. ПАХОМОВА

(Институт славяноведения РАН, Москва)

**П.А. РОВИНСКИЙ О МУСУЛЬМАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ
НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ АВСТРО-ВЕНГЕРСКОЙ ОККУПАЦИИ
БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ**

Abstract:

Pakhomova L.Yu. *P.A. Rovinsky on the Muslim society in the early stage of the Austro-Hungarian occupation of Bosnia and Herzegovina*

The article examines the opinion of the famous Russian ethnographer, traveler and publicist Pavel Apollonovich Rovinsky (1831–1916) on the Muslim society of Bosnia and Herzegovina in the early stage of the Austro-Hungarian occupation. Rovinsky as a reporter for the St. Petersburg newspaper «Novoe vremya» («New time») traveled to the occupied territories in the autumn of 1878 and spring of 1879. In 1881, he published an article «Observations while traveling in Bosnia in 1879». Rovinsky's works are important because they present the first public reaction to the alien presence.

Ключевые слова: П.А. Ровинский, австро-венгерская оккупация Боснии и Герцеговины, мусульманское общество Боснии и Герцеговины.

Одним из ценных источников о состоянии мусульманского общества в период оккупации Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины после Берлинского конгресса 1878 г. являются путевые заметки и корреспонденция известного ученого-этнографа, путешественника, публициста Павла Аполлоновича Ровинского (1831–1916)¹, который был командирован на Балканы в качестве корреспондента петербургской газеты «Новое время».

Ровинский отправился в путешествие по Боснии поздней осенью 1878 г. Его корреспонденция оттуда начинается в ноябре 1878 г. и заканчивается в апреле 1879 г., пока австро-венгерская полиция насильственно не выдворила журналиста из оккупированной провинции².

Статья «Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г.» была напечатана в третьем, мартовском, номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1880 г.³ Эта работа Ровинского, посвященная северо-восточной части Боснии — Зворницкому санджаку и его главному городу Нижней Тузле, в отличие от обычной корреспонденции, хорошо структурирована: в ней выделены параграфы, а также приводятся различные данные и историографические сведения.

Следует подчеркнуть, что, с одной стороны, сочинения Ровинского о Боснии являются путевыми заметками, то есть источниками личного происхождения, с другой — представляют собой этнографические исследования на уровне развития науки последней четверти XIX в.; кор-

респонденция же в одной из самых распространенных российских газет носит характер публицистики.

Сочинения Ровинского по Боснии и Герцеговине особенно интересны тем, что они выполнены в начале большого трансформационного периода боснийского общества. Они важны тем, что отражают первую реакцию населения на чужеземное присутствие.

Анализом путевых заметок как жанра (трэвелога) активно занимались и занимаются в настоящее время литературоведы и культурологи⁴. Многочисленные воспоминания западноевропейских авторов о путешествиях по Балканам стали основой для исследования современного словенского культуролога Б. Езерника⁵.

Работа русского ученого и дипломата А.Ф. Гильфердинга «Босния, Герцеговина и Старая Сербия», написанная в жанре путевых заметок и изданная в 1873 г., является ценным источником по истории Боснии до 1878 г.⁶. Сочинения Гильфердинга по истории Боснии проанализировала российская исследовательница К.В. Мельчакова⁷.

К корреспонденции П.А. Ровинского из Боснии как к источнику по истории сопротивления австро-венгерской оккупации обращался в своих работах советский и российский славист В.И. Фрейдзон⁸. Российские архивные материалы для изучения начального периода австро-венгерского управления в Боснии и Герцеговине использовали отечественные ученые В.Н. Кондратьева⁹, В.И. Косик¹⁰, Е.К. Вяземская¹¹, О.Н. Новикова¹². Материалы из австрийских и боснийских архивов по оккупации привлекли в своих исследованиях американский балканист Р. Дониа¹³ и венгерский историк Л. Бенче¹⁴.

В предлагаемой статье дается взгляд П.А. Ровинского на мусульманское общество Боснии и Герцеговины в начальный период австро-венгерской оккупации. Журналист знакомил российскую общественность с положением провинций, на оккупацию которых было вынуждено согласиться правительство России по результатам русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Прежде всего необходимо отметить, что путевые заметки Ровинского полны негативной оценки мусульманской элиты и австро-венгерских властей, при этом очевидно позитивное отношение автора к православным жителям Боснии. Такие суждения, на наш взгляд, объясняются тем, что автор был представителем православной России. Кроме того, в сочинениях отражаются народнические взгляды Ровинского, который в 1862–1863 гг. был одним из самых деятельных участников общества «Земля и воля»¹⁵. Автор заметно сочувствует простому народу и критикует аристократию и крупных землевладельцев за то, что те угнетают крестьян, а османское и австро-венгерское правительства — за невозможность решить аграрный вопрос.

Как уже отмечалось выше, основное внимание Ровинский в статье «Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г.» уделил главному городу санджака — Нижней Тузле. Он подробно описал рельеф местности Нижней Тузлы. Одной из причин наибольших потерь австро-венгерских войск при взятии этого города путешественник называет его географическое положение: поселение было окружено горами и холмами, где были скрыты небольшие укрепления местных жителей, сопротивлявшихся оккупации и нанесших крупное поражение наступающим солдатам. Помимо того, как пишет Ровинский, дух свободы, присущий торговому городу, который «менее носит на себе печать турецкого господства», также явился одной из причин организованного сопротивления оккупации¹⁶. По свидетельству Ровинского, отступив, австрийцы вернулись в Нижнюю Тузлу с 40-тысячным корпусом только после того, как вся Босния была подчинена, и взяли город без единого выстрела. В наказание за сопротивление оккупационные войска относились к жителям Тузлы «более сурово, чем где-нибудь»¹⁷.

После анализа демографических данных по санджакам Боснии и Герцеговины Ровинский делает вывод о том, что, во-первых, распределение населения различных вероисповеданий было обусловлено политическим влиянием соседней Австро-Венгрии. Во-вторых, выбор места жительства зависел от характера представителей разных религиозных групп. По мнению автора, «турки стремятся к уединению и равнинам, предпочитают горы и узкие долины, не столько служащие пользе, сколько удовлетворяющие эстетическому чувству, праздной потребности любоваться природой», тогда как «христианское население, как рабочее и торговое, ищет для своего поселения открытые места, равнины, стоящие в более тесной связи с остальной Европой»¹⁸. В подтверждение своей гипотезы П.А. Ровинский приводит структуру населения Нижней Тузлы. Большинство горожан составляли мусульмане: их было почти в три раза больше, чем христианского населения. Ровинский пользуется данными, которые привел в конце 1850-х годов А.Ф. Гильфердинг: христиан насчитывалось 3555 человек, мусульман — 10 089 (статистика учитывала только мужское население)¹⁹.

И в корреспонденции, и в статье Ровинский называет жителей Боснии босняками или боснийцами, без различия веры. Если речь идет о мусульманине (по вероисповеданию), Ровинский обозначает его магометанином, турком или турчином (причем этнических турок определяет отдельно как османлия); православных — сербинами, православными либо сербами (при этом автор путевых заметок отличает жителей княжества Сербии: когда рядом оказываются босниец и серб княжества, сербом он называет второго, босняком — первого); католиков Боснии Ровинский не идентифицирует как хорватов.

«Наблюдения во время путешествия...» насыщены детальным описанием антропологических особенностей местных жителей и классическим этнографическим материалом — описанием костюмов. Однако в настоящей статье мы не будем останавливаться подробно на этом аспекте.

Далее Ровинский дает читателю полное представление о структуре города Нижней Тузлы: в центре его находились конак (дворец) паши, град (крепость), чаршия (торговый квартал), предместье — варош (христианские кварталы) и циганлук (цыганский квартал); часть города, где жили мусульмане, называлась касаба и состояла из 12 махал (кварталов)²⁰.

Достаточно детально Ровинский описывает чаршию и ее обитателей. Торговые лавки он сравнивает с теми, что есть на базарах в российских уездных городах, и приходит к выводу, что и в России, и в Боснии они выглядят одинаково: передняя стена состоит из двух частей — верхняя половина открывается наверх и образует навес, нижняя откидывается и превращается в площадку лавки. На полу постелены половики местного производства, на которых сидит перед своим товаром хозяин. В холодное время года в каждой лавке ставят мангалы. Целый день торговец находится в своей лавке; если он мусульманин, курит чубук, если христианин — папиросы, пьет кофе, христиане держат вино²¹.

Русский корреспондент был поражен разнообразием товаров, которые предлагались на небольшой чаршии. Основная торговля ведется по пятницам, когда в город приезжают закупаться крестьяне. По сведениям Ровинского, в Нижней Тузле раньше торговали мехами, но с приходом австрийцев охотничий промысел прекратился (к сожалению, автор не указал причину этого).

Австро-венгерских солдат и офицеров корреспондент называет «слабыми потребителями»: в основном они покупали продукты питания, напитки и разную мелочь — табак, перья, бумагу, белый коленкор для воротничков. Иногда перед тем, как уехать из Боснии, офицеры покупали восточные сувениры²².

Далее Ровинский описывают одно из самых важных мест чаршии — кофейни, где собираются, закрыв лавки после захода солнца, торговцы. Там они курят чубуки и кальян и ведут неторопливые разговоры — вплоть до вечерней молитвы. «Обычная их сдержанность, какое-то равнодушие и важное спокойствие есть что-то обрядовое, исполняемое по предписаниям закона, как молитвы и омовения», — отмечает наблюдательный путешественник. Беседы в кофейнях в это время были в основном посвящены актуальной теме — присутствию оккупационных войск. Как пишет Ровинский, когда разговор касался вопросов несправедливого, с точки зрения мусульман, отношения со стороны новых властей, люди оживлялись²³.

Для мусульманина, по свидетельству Ровинского, торговля представляет главным образом дополнительное к землевладению, необременительное занятие, своего рода досуг и развлечение²⁴. К тому же даже после работы на чаршии мусульманин-торговец продолжает наслаждаться жизнью²⁵. Автор упрекает мусульманскую элиту в безделье: аги могут только барствовать, философствовать, фантазировать, созерцать природу. В то же время Ровинский отмечает, что безделье позволяет мусульманину создать образ добродетельного человека — чистого, честного, великодушного, щедрого, бескорыстного, храброго, в то время как христианин, который занимается тяжелым трудом, выглядит в глазах других ленивым, неряшливым, лукавым, тупым, своекорыстным, неверным, приниженным. Ровинский, как ему кажется самому, нашел правильное объяснение таким представлениям: «христианин тежак (простой рабочий), лишенный общечеловеческих прав и собственности, прокармливающий своим трудом своего господина и пробивающий себе путь к гражданским правам, и, вылезая в купцы, стоит в смысле цивилизации несравненно выше, имеет гораздо больше ума и характера, чем турчин, его господин, живущий на чужой счет, ничего не делающий, ничего не создающий и не приобретающий и в конце концов проживающийся, идущий к упадку и разорению». Автор сравнивает мусульманскую аристократию с европейскими рыцарями, а христиан — со средним, городским сословием²⁶.

Несмотря на то, что большую часть населения составляли мусульмане, Ровинский отмечает, что именно в Нижней Тузле был «слабее дух магометанства», чем в других боснийских городах, и в качестве доказательства приводит число и богатство мечетей в городе. На 1100 домов (5500 жителей) здесь приходилось девять мечетей, в то время как в небольшом городке Кладан девятью мечетями пользовались 180 домов (менее 1000 человек). В Нижней Тузле было всего две мечети с минаретами, в которых служили муллы и имамы, остальные больше напоминали молельные дома с башенками²⁷. При описании одной из мечетей и пятничной молитвы Ровинский сравнивает намаз с классной гимнастикой в детском приюте, где «придают большое значение дрессировке тела и души вместе; стараются добиться, чтобы дети слушались команды и приучились известные действия производить по команде дружно, как один человек». По его мнению, именно так достигаются организованность и повиновение мусульман муллам²⁸.

Ровинский свидетельствует, что зажиточный мусульманин в Нижней Тузле имел двухэтажный дом с твшком — балконом, закрытым со всех сторон решеткой, и с диванханом — внутренней галереей. При доме, как правило, был сад. Богатые мусульмане владели двором с двумя домами, отмечает автор²⁹.

На первый взгляд общественная и деловая жизнь мусульман не претерпела изменений в связи с вводом в провинции австро-венгерских войск, однако Ровинский неоднократно упоминает о том, что одним из элементов, который подвергся здесь наибольшим изменениям, были дом и семья мусульманина. Ровинский подчеркивает, что расквартирование в доме мусульман чужих людей, даже одной с ними веры, противно их закону. Поэтому многие мусульмане покинули свои городские дома и переехали в села³⁰ либо арендовали дома поменьше, оставив свои большие дворы солдатам и офицерам австро-венгерской армии³¹.

Что касается отношений мусульман и австро-венгерских властей, по сведениям Ровинского, в самом начале оккупации наиболее жестоким репрессиям за сопротивление габсбургским войскам подверглись мусульмане: «турок больше всего расстреляно и изгнано; их дома и мечети больше подверглись разрушению»³². Однако затем австрийцы поспешили «замирить» мусульман: из них стали набирать чиновников и корпус жандармов. Помимо этого, когда были восстановлены турецкие суды, свидетельства мусульман в спорных вопросах стали весомее, чем слова христиан, особенно православных³³. Ровинский объясняет доверие и позитивное отношение новой власти к мусульманам тем, что австрийцы могут легко убедить их перейти на сторону Габсбургов, так как мусульмане верят и надеются на помощь султана, который находится в призрачном Стамбуле и власть которого уже почти уничтожена, тогда как православные ищут поддержки у новых независимых государств³⁴.

Ровинский особо отмечает: мусульман не беспокоит, что австро-венгерское правительство будет на них нападать, так как они знают, что ислам новые власти не тронут³⁵. Однако он убежден, что мусульманин в Боснии не предан своей вере: она «важна была только своими последствиями, так как посредством ее он был господином; о национальности он также не думает»³⁶. По мнению Ровинского, религиозный вопрос сводится к социально-экономическим темам — праву на землю и высокому положению в обществе по сравнению с христианами, которые в основном являлись кметами — крестьянами-арендаторами на землях мусульман³⁷.

Автор считает мусульман, которые и являются боснийской аристократией, лицемерными, готовыми из-за выгоды менять свое мнение и не имеющими «характера противостоять первому внешнему натиску»³⁸. Однако именно такое поведение, как подчеркивает Ровинский, помогло тому, что мусульмане Боснии «не только сохранили свою славянскую народность, но и являются лучшими ее представителями: их язык отличается наибольшей чистотой, правильностью и некоторым изяществом; в нем сохранились грамматические формы и обороты»³⁹. Этой боснийской

аристократии Ровинский противопоставляет новое поколение мусульман, учившихся в школах, которые открылись после реформ Омера-паши Лата-таса в начале 1850-х годов⁴⁰ и в которых преподавание велось на турецком или арабском языках. Из выпускников новых учебных заведений, как свидетельствует Ровинский, вышла местная бюрократия, сторонница сильной центральной власти Стамбула и противница автономной Боснии. Автор пишет, что заметил в новых чиновниках стремление выделить себя из общей массы и смотреть свысока на своих соотечественников, не получивших образование в новых школах. И теперь, как свидетельствует Ровинский, эти же чиновники стали работать на австро-венгерское правительство, которое помешало самостоятельному развитию Боснии и Герцеговины⁴¹.

П.А. Ровинский приходит к выводу, что после «магометанско-аристократического» движения первой половины XIX в. не без помощи Габсбургской монархии наступил период «христианско-демократических» выступлений против властей, кульминацией которых стало восстание 1875–1878 гг. Вена, поддерживая христианские восстания, преследовала цель отторгнуть Боснию и Герцеговину от Османской империи и подчинить своей власти. Корреспондент с некоторой долей горечи признавал, что венское правительство при этом использовало Сербию и Россию⁴².

Однако Ровинский не считал австро-венгерскую оккупацию окончательным ответом на вопрос о перспективах боснийской государственности. Автор отводил определяющую роль мусульманам: по его мнению, они оказались перед выбором, на чью сторону встать — католиков или православных. «Вот вопрос, от решения которого зависит будущее духовное развитие Боснии, а в связи с ним ее культурные и политические стремления», — писал Ровинский⁴³. Сам корреспондент желал бы, чтобы будущее боснийцев и герцеговинцев было связано с Сербией. Однако, как догадывался Ровинский, это зависело не только от южнославянского княжества, но и великих держав. Корреспондент газеты «Новое время» предполагал, что соперничество России и Австро-Венгрии на Балканском полуострове должно было только усилиться: между ними «неизбежна борьба не только за политическое, но и за торгово-экономическое и культурное влияние»⁴⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О самом П.А. Ровинском см., например: *Хлебникова В.Б.* П.А. Ровинский как исследователь Черногории. Автореф... канд. ист. наук. М., 1986; *она же.* «Русский черногорец» Павел Ровинский // *Родина.* 2006. № 4; *она же.* Черногория: Феномен национальной государственности. 1878–1916 гг. М., 2016; П.А. Ровинский (1831–1916) и его время. Межвузовский тематический сборник научных трудов. Калинин, 1988.

- ² *Хлебникова В.Б.* «Русский черногорец» Павел Ровинский. С. 75.
- ³ *Ровинский П.А.* Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1880. Март.
- ⁴ См., например: *Wilson R.K.* The Literary Travelogue: A Comparative Study with Special Relevance to Russian Literature from Fonvizin to Pushkin. The Hague, 1973; *Маслова Н.М.* Путевой очерк: проблемы жанра. М., 1980; *Wolfzettel F.* Le discours du voyageur. Pour une histoire littéraire du récit de voyage en France, du Moyen Age au XVIII siècle. Paris, 1996; *Youngs T.* The Cambridge Introduction to Travel Writing. NY., 2013; *Печерская Т.И., Меднис Н.Е., Мароши В.В., Константинова Н.В.* Русский тревелог XVIII–XX веков: маршруты, топосы, жанры и нарративы. Новосибирск, 2016.
- ⁵ *Езерник Б.* Дикая Европа. Балканы глазами западных путешественников / Пер. со словен. Л.А. Кирилиной. М., 2017.
- ⁶ *Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т.3. СПб., 1873; *он же.* Босния в начале 1858 года // Там же.
- ⁷ *Мельчакова К.В.* Дипломатия и путешествия в неизведанных славянских землях. А.Ф. Гильфердинг и А.С. Ионин на службе в первом русском консульстве в Сараево // Славянский альманах. М., 2014. № 1–2. С. 61–73. URL: http://inslav.ru/sites/default/files/editions/2014_almanakh2014.pdf; *она же.* Проблемы турецкого управления в Боснии, Герцеговине и Старой Сербии глазами русского дипломата, историка и путешественника А.Ф. Гильфердинга // Государственное управление. Электронный вестник. 2015. № 50. С. 207–223. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/vestnik/item/50_2015melchakova.htm.
- ⁸ *Фрейдзон В.И.* Корреспонденция Павла Ровинского о сопротивлении в Боснии австрийской оккупации // Отрог austrougarskoj окупацији 1878. godine u Bosni i Hercegovini. Sarajevo, 1979; *он же.* Отклики в России на борьбу в Боснии и Герцеговине против оккупации в 1878 г. // Ibidem.
- ⁹ *Кондратьева В.Н.* К истории первых лет оккупации Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией (1878–1889) // Балканские исследования. Вып. 8. М., 1982.
- ¹⁰ *Косик В.И.* Австрийская политика в Боснии и Герцеговине. (По материалам советско-югославских публикаций документов) // Балканские исследования. Вып. 13. М., 1991.
- ¹¹ *Вяземская Е.К.* Пороховой погреб на Балканах — Босния и Герцеговина 1878–1918 гг. // На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII — начало XX в. М., 1997; *она же.* Конфессия и национальность в историческом развитии Боснии и Герцеговины // Роль религии в формировании югославянских наций. М., 1999; *она же.* Босния и Герцеговина: ее место и роль в европейских конфликтах начала XX в. // В «пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М., 2003.
- ¹² *Новикова О.Н.* Боснийско-герцеговинская политика Австро-Венгрии последней трети XIX — начала XX в. и ее роль в развитии международных отношений на Балканах. Дисс... канд. ист. наук. Ставрополь, 2006.
- ¹³ *Donia R.J.* Islam under the Double Eagle: The Muslims of Bosnia and Hercegovina, 1878–1914. NY., 1981; *Donia R.J.* The Habsburg Imperial Army in the Occupation of Bosnia and Hercegovina // Insurrections, Wars and the Eastern Crisis in the 1870s. NY, 1985.
- ¹⁴ *Bencze L.* The Occupation of Bosnia and Herzegovina in 1878. NY., 2006.

- ¹⁵ *Хлебникова В.Б.* «Русский черногорец» Павел Ровинский. С. 75.
- ¹⁶ Там же. С. 8.
- ¹⁷ *Ровинский П.А.* Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г. С. 5–6.
- ¹⁸ Там же. С. 59.
- ¹⁹ Там же. С. 58.
- ²⁰ Там же. 2–4.
- ²¹ Там же. С. 17–19.
- ²² Там же. С. 17–21.
- ²³ Там же. С. 22.
- ²⁴ Там же. С. 27–28.
- ²⁵ Там же. С. 27.
- ²⁶ Там же. С. 33.
- ²⁷ Там же. С. 9.
- ²⁸ Там же. С. 41–43.
- ²⁹ Там же. С. 30.
- ³⁰ *Ровинский П.А.* Из Боснии. Брчко, 5 ноября // Новое время. 1878. № 994. С. 2.
- ³¹ *Ровинский П.А.* Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г. С. 31.
- ³² *Ровинский П.А.* Корреспонденция «Нового времени». Сараево, 19 (31) декабря // Новое время. 1878. № 1028. С. 1.
- ³³ *Ровинский П.А.* Корреспонденция «Нового времени». Сараево, 19 (31) декабря // Новое время. 1878. № 1028. С. 2; *он же.* Корреспонденция «Нового времени». Сараево, 12 (24) января // Новое время. 1879. № 1058. С. 2.
- ³⁴ *Ровинский П.А.* Корреспонденция «Нового времени». Сараево, 19 (31) декабря // Новое время. 1878. № 1028. С. 2.
- ³⁵ *Ровинский П.А.* Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г. С. 32.
- ³⁶ Там же. С. 32.
- ³⁷ Там же. С. 32.
- ³⁸ Там же. С. 33.
- ³⁹ Там же. С. 23–24.
- ⁴⁰ Омер-паша Латас (1806–1871) — османский военачальник и политический деятель; в 1850–1851 гг. подавил восстание мусульманской аристократии в Боснии и Герцеговине, после чего стал проводить здесь реформы по укреплению центральной власти.
- ⁴¹ *Ровинский П.А.* Наблюдения во время путешествия по Боснии в 1879 г. С. 24.
- ⁴² Там же. 69–70.
- ⁴³ Там же. С. 35.
- ⁴⁴ *Ровинский П.А.* Из Боснии. Брчко, 5 ноября // Новое время. 1878. № 987. С. 3.